

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85

Лексико-семантические и словообразовательные особенности наименований лиц в период пандемии коронавируса

Александр Васильевич Зеленин¹, Таисия Николаевна Буцева²¹ *Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия, alexandr.zelenin@tuni.fi*² *Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, taisbut@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается новейший лексический материал, связанный с коронавирусной пандемией. Авторами собран материал – наименования лиц (около 90 неолексем), зафиксированные в электронных медиа (Integrum) и составляющие значительную часть всего корпуса коронавирусных инноваций в русском языке, – более 600 единиц. Цель статьи – описать собранный корпус с лексико-семантической и словообразовательной точек зрения, продемонстрировать некоторые аспекты языковой игры. Методы исследования: системный, классификационный, дедуктивный, индуктивный.

Ключевые слова: коронавирусная пандемия, современный русский язык, язык медиа, наименования лиц, языковые инновации, неологизмы, лексико-семантические процессы, словообразование, языковая игра

Благодарности: работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект №20-012-00122.

Для цитирования: Зеленин А. В., Буцева Т. Н. Лексико-семантические и словообразовательные особенности наименования лиц в период пандемии коронавируса // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 1. С. 74–85. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85.

ORIGINAL ARTICLE

Lexical semantic and derivational features of the names of persons during the coronavirus pandemic

Aleksandr V. Zelenin¹, Taisiya N. Butseva²¹ *University Tampere, Tampere, Finland, alexandr.zelenin@tuni.fi*² *Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia, taisbut@yandex.ru*

Abstract. This article reviews the new lexical material related to the coronavirus pandemic. The empirical material was collected in the electronic database Integrum. The subject of the collected material are names of persons which were used in electronic mass media (newspapers, magazines, blogs, social networks). The volume of the lexical corpus is about 90 neolexemes. The collected corpus of innovations counts more than 600 words. The aim of the article is to describe the material from lexical and semantic, word-formation points of view, to demonstrate a language game.

Keywords: coronavirus pandemic, modern Russian language, mass media language, names of persons, linguistic innovations, neologisms, lexical and semantic processes, word-formation, language game

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 20-012-00122.

For citation: Zelenin A. V., Butseva T. N. Lexical semantic and derivational features of the names of persons during the coronavirus pandemic. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 1. P. 74–85 (In Russ.). DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-1-74-85.

Введение. Словообразовательная и семантическая активность в группе наименований лиц в период экстремальных социальных обстоятельств — свидетельство языковой реакции на экстралингвистические факторы. Спецификой этой группы лексики является, несомненно, комбинация официально-медийных языковых инноваций с инновациями, рожденными в недрах социальных сетей, отражающими разговорную, жаргонную, сленговую стилистику. С одной стороны, стимулом выступает официальный дискурс СМИ, с другой — живая языковая реакция на него, часто проявляющаяся в попытке найти «параллельные» именованья в репертуаре некодифицированных сфер языка, показывая суть процесса «притяжения—отталкивания» медийных сфер в данной ситуации. Собранный нами языковой материал ярко демонстрирует активизацию словотворчества, позволяющего реализовать богатые возможности русской деривационной системы в сфере как нормативного словопроизводства, так и игрового.

Анализ. Лексико-семантические особенности. Отметим некоторые лексико-семантические особенности, характерные для исследуемой группы наименований лиц.

1. Квазисинонимические ряды. Квазисинонимы — близкие по смыслу слова, значения которых различаются несколькими характеристиками (понятийным содержанием, отношением говорящего, коллокациями) и используются применительно к контексту [Герд 2002: 139]. Как правило, квазисинонимические ряды формируют родо-видовые отношения слов (основанные на функции включения: в более общее по значению слово *нести* «включено» слово *тащить*) и видо-видовые (функция пересечения: *жадный* «стремящийся к дополнительному приобретению», *скупой* «не отдающий свое»)¹. Примечательно, что в языке функция включения доминирует в отличие от функции пересечения, являющегося редким явлением [Апресян 1995: 235, 250].

¹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 104 [ЛЭС]; *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. С. 145.

Если вывести в вершину квазисинонимического ряда терминологическое сочетание *коронавирусный больной*, то самый обширный ряд называет больных, зараженных коронавирусной инфекцией: *ковидоноситель* (*ковидноситель*), *ковидопереносчик*, *ковидоносец*, *ковид-больной*, *ковид-заболевший* (*covid-заболевший*), *ковид-зараженный*, *ковидник*, *ковид-пациент* (*covid-пациент*), *короник*, *ковид-позитивный* (субстантив).

Сформировалась довольно обширная группа лексем со значением «тот, кто отрицает серьезность коронавирусной инфекции, нарушает карантин»: *ковид-отрицатель*, *ковид-активист*, *ковид-нарушитель*, *ковид-нигилист*, *ковид-скептик*, *ковид-сектант*, *ковид-диссидент*, *ковид-турист* «тот, кто отправляется в путешествие в период распространения коронавирусной инфекции, несмотря на существующие запреты», *ковид-подстрекатель*. Данный квазисинонимический ряд образуется на основе общего семантического признака, акцентирующего ценностно-психологические аспекты человеческого поведения (своеволие, неповиновение, нежелание подчиняться) в условиях экстремальной ситуации. Ср. также другие трех- и четырехчленные квазисинонимические ряды о панически реагирующих на событие людях: *ковид-паникер* — *ковид-алармист* — *гречник* (разг.) или о вынужденных работать дома: *дистанционник* — *удаленщик* — *удаленник* — *надомник* (старое, семантически переориентированное слово).

2. Квазиантонимические ряды. Приведенные выше квазисинонимические ряды со значением «законопослушный индивид» и «индивид, не согласный с введением карантинных мер» можно квалифицировать также и как квазиантонимические комплексы с яркой оценочно-экспрессивной функцией. К контекстуальным квазиантонимам отнесем пары: *коронавт* (в значении «человек (не врач), использующий много разных вирусозащитных санитарно-гигиенических средств») — *антимасочник*; данная пара построена на противопоставлении семантических признаков при обозначении человека, использующего одежду в публичных местах: *коронавт* «экипирован» как космонавт, *антимасочник*, напротив, демонстративно отказывается использовать в общественных местах обязательную санитарную маску. Но

интегральным прагматическим (коннотативным) компонентом является представление о чрезмерности проявления, демонстрации качества у того и другого.

Другая квазиантонимическая пара: *сидидомцы* ↔ *погуляницы* — основана на семантическом противопоставлении признаков ‘тот, кто следует жесткому карантину’ и ‘тот, кто выступает за частичное следование карантинным предписаниям’; в паре *невозвращенцы* ↔ *возвращенцы* смысловым интегрирующим признаком выступает оценочно-номинативная сема возвращения/невозвращения человека на родину. Примечательно, что в нашем корпусе единичны наименования лиц, пытающихся найти компромисс между жестким карантинном и полным пренебрежением им; субъекты номинации резко поляризованы между двумя полюсами.

3. Полисемия. Бурное пополнение современного лексикона коронавирусной лексикой, быстро меняющаяся в мире ситуация с угрожающим распространением этой болезни, потребность называния новых реалий, фактов, оценочные характеристики, выраженные в словах, могут вызывать развитие у лексем полисемии. Лингвистически это объясняется действием закона «асимметрии языкового знака» (означающего и означаемого): «Означающее и означаемое асимметричны. Образовав пару, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму знак язык может развиваться» [Карцевский 2004, 2: 245]. «Означаемое» (наименование со значением лица) постоянно испытывает давление системы языка, быстро меняющегося денотативного мира («означающее»), означаемое «не успевает» за номинативно-коммуникативными потребностями говорящих, в результате образуются или многозначные слова (полисеманты), или омонимы (предел развития полисемии), которые в нашем корпусе не отмечены.

Многозначность в наименованиях лиц развивается на основе метонимического переноса², этот лингвокогнитивный процесс не требует от говорящего переноса

имени в иную денотативную плоскость. Ср. зафиксированные в нашем материале следующие семантические сдвиги в значениях:

корониал — 1. Ребенок, зачатый во время коронавирусной пандемии. 2. Ребенок, помогающий осваиваться родителям в приложениях (ZOOM, Skype, Teams и др.) для проведения удаленной конференц-связи: Возможно, останется слово *корониалы*. У него два значения: дети лет 10–15, которые легко осваивают виртуальную реальность, и дети, которые будут рождены во время коронавируса. (Интервью с О. Сиверской // АиФ, 08.05.2020);

зумер — 1. Тот, кто родился в начале 2000-х годов. 2. Тот, кто проводит много времени в видеоконференциях: *Зумер* — изначально человек, относящийся к поколению Z, но после зумификации всего (то есть перехода в программу Zoom) — те, кто проводит много времени в видеоконференциях. (The Village, 09.05.2020);

шашлычники — 1. Люди, изготавливающие, использующие в пищу шашлыки (традиционное, узуальное значение). 2. Люди, нарушающие жесткий карантин и вопреки запретам собирающиеся на пикники. 3. Группы молодых родителей (преимущественно мам), собирающиеся группами в парках, на детских площадках в нарушение санитарно-гигиенических норм во время жесткого карантина: *Шашлычники* — люди, которые, невзирая на запрет прогулок, собираются группами в парках и зеленых зонах для пикников и даже для шашлыков. Однако вскоре так стали называть даже группки мам с детьми, которые вопреки запретам собираются на детских площадках. (Posta-Magazine, 13.05.2020);

застрянец (обычно во множественном *застрянцы*) — 1. Те, кто не определился в своей политической позиции, нерешительные члены какой-л. политической партии (окказионализм 2000-х гг.): Надо бы воевать с безыдейными антиподами, со всякого рода «центристами» — партией бюрократического совершенства, а на самом деле партией полпути, партией *застрянец*, чья программа — отсутствие программы, а единственный лозунг: «Мы любим власть и начальство!» (Новое время, 30.11.2003). 2. Водители, попавшие в автомобильную пробку (застрявшие в автомобильной пробке). 3. Те, кто не захотел или не смог вернуться на родину до закрытия межгосударственных границ: *Застрянцами* теперь называют тех, кто застрял за границей и не может пока вернуться на родину. (123ru.net, 26.04.2020).

4. Энантисемия и пограничные случаи. В нашем материале есть интересные примеры, которые свидетельствуют

² Исследователи указывают, что метонимические переносы в целом нехарактерны для молодежного сленга [Ермакова, Земская, Розина 1999: 28].

о развитии противоположных значений в заимствованном слове на почве русского языка. Лексема *ковидиот* заимствована от англ. *covidiot*, где она имеет оценочное значение ‘человек, который не следует рекомендациям и правилам, таким как «социальная дистанция», и ведет себя подобно идиоту’. В русском языке произошло расширение семантического объема компонента *идиот*. Контекстуальное употребление этого слова говорящими с акцентированием того или иного денотативного аспекта, связанного с коронавирусом, привело к развитию в лексеме противоположных значений (внутрисловная антонимия):

ковидиот — 1. Панически настроенный человек. 2. Человек, послушно, на грани абсурда выполняющий все рекомендации: *Ковидиот* — это человек, который неадекватно реагирует на эпидемию коронавируса, слишком беспокоится или, наоборот, игнорирует опасность эпидемии. *Ковидиотом* можно назвать как и того, кто в панике скупает туалетную бумагу и гречневую крупу, так и того, кто сбегает из карантина, несмотря на наличие подозрений на коронавирус. (Коммерсантъ (Приложение), 21.04.2020).

На семантической границе между полисемией и энантиосемией находится лексема *карантье* (контаминированное производное от слов *карант(ин)* + *рантье*):

карантье — 1. Человек, финансово не пострадавший от падения доходов во время жесткого карантина. 2. Человек, получающий, извлекающий прибыль даже в самых неблагоприятных условиях: *Карантье* — «карантин» плюс «рантье». Мнения расходятся: в одних случаях слово употребляется, чтобы обозначить человека, который не остался без средств к существованию, в других — для обозначения человека, который сдает свою собаку другим для прогулок в момент, когда были разрешены только прогулки с собаками. (Posta-Magazine, 13.05.2020).

Это слово, с одной стороны, является интересным лексико-словообразовательным производным с ведущим смысловым центром *рантье* (с лексическим конкретизатором *карантин*), исходный словарный смысл слова *рантье* сохраняется (в первом значении). С другой стороны, во втором значении в лексическом компоненте *рантье* на первый план выдвигаются прагматические (негативно-окрашенные) семы, существующие в русском быденном сознании, — умение индивида

извлекать предельную выгоду в любой ситуации. Это отражает традиционные русские морально-этические нормы, осуждающие поведение индивида, нацеленное на финансовое обогащение в экстремальных обстоятельствах, как аморальное. Данный выразительный пример, созданный с игровой целью, демонстрирует подвижность семантической границы между полисемией и потенциальной внутрисловной антонимией (как в случае с лексемой *ковидиот*).

5. Семантические дублиеты при заимствовании или калькировании в нашем материале оказались редки: *ковид-паникер* (лексико-словообразовательная калька) = *ковидопаникер* (сложное существительное, модифицированное из аналит-существительного) = *ковидпаникер* (возможно, ошибочное, небрежное написание), *ковид-алармист* (лексическое заимствование) от англ. *covid alarmist*:

Ковид-алармисты твердят, что мир по окончании «пандемии» не будет прежним. (Регион. Эксперт, 01.06.2020).

Словообразовательные особенности

Словообразование последних десятилетий, по признанию многих лингвистов, имеет «ярко выраженный антропоцентрический характер: значительное место среди новообразований занимают имена лиц» [Земская 1992: 138]. Исследуемая нами группа наименований лиц — подтверждение тому. Отметим наиболее характерные и интересные случаи словообразования.

1. Словообразовательные варианты: *карантинник* — *карантинщик* — *карантийщик*. Их семантика идентична, различие только в суффиксальном оформлении лексем:

карантинник: Среди тех, кто сейчас вынужден отсиживаться дома, есть и «карантинники» — люди, которые контактировали с носителями COVID19 или вернулись из-за границы. (Известия, 17.03.2020);

карантинщик: Удаленщики и *карантинщики* обращаются в курьерские службы с вопросами о том, как долго еще ждать. (Парламентская газета, 03.04.2020);

карантийщик: Видео погони росгвардейцев за «карантийщиком» набирает популярность в сети. (Seldon News (news.myseldon.com), 19.05.2020).

Эти лексемы не являются в русском языке новыми, хотя в словари они до сих пор

не попали по тем или иным причинам: лексема *карантинщик*, *карантийщик* встречаются, например, в текстах 1950–1960-х гг. в значениях ‘представитель карантинной службы’ и ‘тот, кто подвергается карантину’, но весной 2020 г. у этих слов актуализировалось второе из указанных значений.

Неожиданным и морфемно-немотивированным является образование лексемы *карантийщик*, образованное с нарушенным морфо-словообразовательным «швом»: *карантийный* (больной) > *карантийщик*. Прилагательное *карантийный* не отмечено ни одним толковым словарем русского языка, но оно является производным от существительного *карантин* и используется как профессионально-разговорная номинация в XX в. в растениеводстве, санитарно-эпидемиологической защите (наряду с нормативным *карантинный*):

Усилен *карантийный* контроль, да и мы не дремлем. (Уральский рабочий (Екатеринбург), 26.12.1996).

Прилагательное *карантийный* было образовано, очевидно, по аналогии с обозначениями заразных заболеваний: *малярийный* < *малярия*, *бактерийный* < *бактерия*, *дифтерийный* < *дифтерия*. Именно от профессионального-разговорного *карантийный* (возможно, первоначально в профессиональной среде) появилось существительное *карантийщик*, которое быстро попало и в медийное пространство: «Если бы это был *карантийный* вирус – уже всё оцепили бы (пример – натуральная оспа в прошлом)»³.

Интересно, что в период карантина окказионализм *удаленец* (Время между работой и личной жизнью стирается, не все это выдерживают. К тому же большинство «*удаленцев*» – фрилансеры, не имеющие стабильного заработка. (Faig.ru, 10.02.2020)), возникший в профессиональной среде еще до наступления карантина, не получил распространения. Как правило, применяются три неологизма-дублета для обозначения людей, работающих или учащихся удаленно: *удаленец* – *удаленник* – *дистанционник*:

Не обходится и без злобной белиберды на тему того, что, мол, настоящая работа – это только та, которую приходится делать очно и на месте, а *удаленники* – это сплошь лоботрясы и бездельники. (VC.ru, 26.03.2020);

...у преподавателей намного увеличилась нагрузка. Полдня они вели обычные уроки, а после обеда до ночи проверяли работы у «*дистанционников*». (Комсомольская правда – Калининград, 02.04.2020).

Оба суффикса (-*щик*- и -*ник*-) в русском языке являются активными при образовании имен существительных со значением лица (о суффиксе -*щик*- в современном словопроизводстве см.: [Знадворова, Юань Цуй 2017: 232]).

Если «литературный язык... стремится избавиться от дублетов, т. е. единиц, различающихся лишь по форме и тождественных во всех иных отношениях (значение, стилистическая окраска, условия функционирования)», поскольку «наличие таких дублетов нередко свидетельствует о неустойчивости, невыработанности производного от той или иной производящей основы» [Земская 2015: 484, 31], то жаргонное словообразование, напротив, склонно к образованию «дублетных вариантов производных слов с разными формантами» [Химик 2000: 157].

2. Наполнение старой словообразовательной модели новыми лексемами. Этот механизм был прокомментирован Е. А. Земской: «Повторное использование той же самой морфемной структуры – явление в русском языке нередкое. Многие модели словообразования живут как конструктивные рамки, заполняемые в разные периоды истории языка одним и тем же морфемным, но разным лексическим наполнением. Это особенно характерно для отыменных производных» [Земская 2015: 202]. В частности, актуализированной оказалась лексема *антипрививочник*:

Сейчас той же дикой логике следуют современные аналоги *антипрививочников* эпохи коронавируса – *антимасочники*. (МК, 06.04.2020).

Впервые неологизм *антипрививочник* появился в 2008 г. в школьно-педагогическом контексте и связан с нежеланием и запретом родителей делать прививки детям в дошкольных и школьных учреждениях. Весной 2020 г. слово *антипрививочник* сузило значение и в узусе стало обозначать

³ Вопрос [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/vopros_k_lige_yuristov_7304760 (дата обращения: 20.07.2020).

индивида, выступающего против прививания именно от коронавирусной инфекции. Таким образом, можно наблюдать причинно-обусловленный процесс: актуализация уже существующей в латентном виде, но потенциально готовой к словопроизводству деривационной модели применительно к новым реалиям.

3. Трансформация аналит-существительных в сложные имена существительные. Аналитические существительные с компонентом *ковид-* — заимствования в официально-медийной сфере, которые в разговорном и жаргонном употреблении стали претерпевать морфемно-деривационное переразложение. Ср. следующие зафиксированные варианты: *COVID-паникер* = *ковид-паникер* = *ковидпаникер* = *ковидопаникер* = *ковид-алармист*. Здесь представлены и гибриды (*covid-паникер*), и русифицированная (транслитерированная) кириллическая форма (*ковид-паникер*), и ошибочное слитное написание (*ковидпаникер*), и варваризм (*ковид-алармист*), и сложное существительное, органичное для русского словопроизводства (*ковидопаникер*). Сюда же входят *ковид-скептик* = *ковидоскептик* = *covid-19-скептик* (последнее написание отражает ранний этап проникновения термина в русский язык, когда в живом языке еще не произошло упрощение названия болезни *covid-19* до русифицированной разговорной формы *ковид*); *ковид-носитель* = *ковидоноситель* = *ковидноситель*. Особо выделим наименования с соединительной гласной *о*: *ковидопаникер*, *ковидоскептик*, *ковидоноситель*, *ковидоразгильдяй* (разг.). Легче и проще всего видеть в этих формах ошибки, которыми изобилует интернет-коммуникация. Действительно, слитные написания типа *ковиддиссидент* (наряду с закономерным *ковид-диссидент*) надо квалифицировать как ошибочные: «*Ковиддиссиденты* внушают другим, что коронавируса не существует». (РИА Новости, 09.06.20).

Однако более глубокий лингвокогнитивный взгляд позволяет интерпретировать факты (*ковидоноситель*) с иной, морфодеривационной, точки зрения. Очевидно, здесь мы имеем дело с влиянием русской словообразовательной системы, что проявляется в стремлении «наивных носителей» переосмыслить аналитические существительные и подчинить их привычным моделям морфемного и словообразовательного

анализа: осуществить подсознательно (или неосознанно, неотрефлексированно) «разбор слова по составу» и выделить в слове содержательно-значимые морфемы. Благодаря использованию интерфикса слово становится структурно прозрачным и членимым: *паникер от ковида* > *ковидопаникер*, *скептик в ковиде* (сомневающийся в опасности ковида) > *ковидоскептик*, *носитель ковида* > *ковидоноситель*. Последнее легко подкрепляется аналогичной словообразовательной моделью в русском языке. Ср. медицинские термины — *вирусоноситель*, *бациллоноситель*, *ВИЧ-носитель*. Языковая причина такова: когда аббревиатуры *СПИД*, *ВИЧ* перестают осознаваться именно как аббревиатуры вследствие их широкой употребительности и отчасти даже забвения рядовым носителем языка точной расшифровки, в языковом сознании происходит словообразовательная переориентация; слова с этими элементами начинают восприниматься как сложные лексемы, семантически мотивированные словосочетаниями с подчинительной связью компонентов. Это соответствует тенденциям русского словообразования: в современном русском языке число сложных существительных, образованных от словосочетаний с подчинительным отношением основ, значительно выросло [Грамматика-70: 162; Букчина, Калакуцкая 1974: 31; Грамматика-80, 1: 320; Шаталова 2012].

Языковые факты трансформации аналит-существительных были известны уже в 1990-е гг.: ср., например, изменение медицинского термина *СПИД-носитель* в публицистическое обозначение *спидоноситель* (*СПИДоноситель*) и разговорные номинации: *спидонос*, *спидоносец* (*СПИДоносец*)⁴. Таким образом, в этом процессе преобразования аналитических форм существительных в сложные слова с интерфиксом *о* можно усматривать стремление русского языка (в живом общении, в литературно-некодифицированных формах) к «одомашниванию» (доместикации) громоздких аналитических слов с неизменяемой первой частью.

⁴ Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Т. 3: *Паркомат — Я* / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 1015, 1019, 1020 (НСЗ).

Ср. адаптацию аналит-существительных и возможность их «перевода» в словосочетания с подчинительной связью в русском языке:

ковид-мошенник > *ковидный мошенник*: Для защиты от «ковидных» мошенников правоохранители рекомендуют не переходить по сомнительным ссылкам. (Республика (Сыктывкар), 26.05.2020);

ковид-пациент > *ковидный пациент*: Размер выплат и порядок их распределения понятен только со спецподразделениями стационаров, где медики работают исключительно с *ковидными пациентами*. (Коммерсантъ, 20.05.2020).

Более ранняя фиксация в Интегруме аналит-существительных (февраль–март 2020 г.) свидетельствует о первичности их появления в русском языковом пространстве и вторичности зарождения словосочетаний (апрель–май 2020 г.).

Непосредственно лингвоментальным механизмом такой трансформации следует признать, очевидно, «морфемно-деривационный» или «орфографоцентричный» аспекты языковой способности индивидов, приобретенные ими в школьные годы [Осипов 1992; Голев 1997; 1999]; «основной детерминантой орфографической интуиции является морфемно-деривационный уровень»⁵. В зарубежной лингвистике, а именно в теории билингвизма и усвоения двух или нескольких языков, теории письма, также есть аналогичные термины и проводятся соответствующие исследования: *морфологическое языковое сознание* (morphological awareness) [Altman et al. 2019: 52; Ayoun 2015: 337; Goulandris, Snowling 2003], *словообразовательное сознание* (derivational awareness) [Carlisle, Fleming 2003; Nagy et al. 2006; Xu Bian, Jin'e He 2017].

Таким образом, оформление в интернет-коммуникации аналитических существительных, интерпретация носителями языка их словообразовательной структуры или грамматических особенностей представлены по-разному, что приводит к появлению вариантов написания. Если в начальный период они могли рассматриваться пользователями языка как простые и нечленимые, то уже вскоре, при

⁵ Авакумова Е. А. Морфематические основания интуитивной орфографии русского языка: на материале эксперимента с детьми 6–7 лет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. С. 11.

активном процессе освоения, такие слова быстро приобрели членимость, свойственную русским сложным существительным, что увеличило вариативность написаний.

4. Соотносительных парных гендерных номинаций удивительно мало:

ковид-пациент – *ковид-пациентка*: Согласно федеральным рекомендациям на базе перинатальных центров размещение *ковид-пациенток* запрещено. (Медиакратия, 15.05.2020);

ковидиот – *ковидиотка*: Цитирую Le Temps: «Эта *ковидиотка* со всеми целуется». (Труд, 03.04.2020);

ковид-паникер – *ковид-паникерша*: Против этих *ковид-паникеров* выступила главная *ковид-паникерша* – вице-премьер правительства РФ. (ФОРУМ.мск, 21.05.2020);

масочник – *масочница*: Instagram-масочница из Серпухова стала лучшим блогером года. (Подмосковье сегодня, 10.03.2020);

удаленицик – *удаленицица*: Следуйте советам успешных мам-удаленициц и знатоков тайм-менеджмента, и все получится. (Комсомольская правда – Северный Кавказ (Ставрополь), 14.04.2020).

Существительное мужского рода в тексте «маскирует», сглаживает, нейтрализует гендер (в ситуации карантина все равны), только в необходимых случаях, требующих гендерного выделения, в языке появляются гендерно-маркированные номинации.

5. **Жаргонное словообразование** (усечение). Процессом упрощения фонемной структуры слова и подчинением его разговорным словообразовательным моделям объясняется трансформация существительного *корониал* ‘ребенок, зачатый в период коронавируса’ (тот же суффикс, что и в *миллениал* ‘ребенок, родившийся между 1980 и 2000 гг.’) в форму *коронал*. Здесь возможно допустить влияние разговорных и жаргонных усечений⁶: *экстремал* (от ‘человек, действующий в экстремальных ситуациях’), *маргинал* (от ‘человек, занимающий маргинальную позицию в чем-л.’⁷), *гомосексуал* (от *гомосексуальный мужчина*), *брутал* (от *брутальный мужчина*) и т. п. Ср.: юмористические [обозначения. – А. З., Т. Б.] *накарантиниться*

⁶ О продуктивности усечения как способа деривации в сленге при образовании квазисинонимов, дублетных вариантов базовых слов с разными формантами см.: [Романов 2004: 96].

⁷ Слово возникло еще в 1990-е гг.; лексикографическая разработка дана в НСЗ: Т. 3. С. 627.

и *короналы* (или *коронята*) — ‘дети, зачатые в период коронавируса’ (Российская газета, 08.06.2020). Трудно сказать, какое слово в паре *корониал—коронал* останется, у того и другого есть поддержка: у первого в нейтральном стиле языка (публицистика, научно-популярная литература), у второго в популярной жаргонной словообразовательной модели:

Словарь эпохи коронавируса: «Ковидиоты на самоизоляции зачали *корониалов*, зумились и оформили ковидиворс [от англ. *covid divorce* ‘развод во время коронавирусной пандемии’. — А. З., Т. Б.].» (Комсомольская правда, 21.05.2020).

Ср. также другую пару, образованную по той же модели (с усечением):

ковид-отрицатель > *ковид-отрицал*: Ковидодиссидентам и *ковидоотрицалам* посвящается. (Massovki, 14.05.2020).

Жаргон сокращает (закон языковой экономии) длинное, громоздкое, структурно сложное обозначение *ковид-отрицатель* до более короткого и более экспрессивного окказионализма.

6. Словообразовательная игра. Е. А. Земская полагала: при создании игрового эффекта в русском языке «ни синтаксис, ни лексика не могут соперничать в этом отношении со словообразованием» [Земская 2007: 649], что отчасти, действительно, объясняется развитым деривационным репертуаром, способным выражать различные стилистические и прагматические (коннотативные) оттенки. В статье уже упоминались многочисленные инновации, появившиеся в разговорной и сниженных сферах с игровой, «маскарадной» (по М. Бахтину) функцией. Модификации могут быть весьма причудливы: англицизм *covid hyper* (американское сленговое *hyper* ‘чрезмерно возбужденный’) в русском языке трансформировался в гибридное производное: первая часть *covid* сохранилась, вторая часть была заменена русским сленговым *хайпожор*, в результате появилось жаргонное обозначение *ковид-хайпожор* ‘тот, кто пытается привлечь к себе внимание в социальных сетях, используя коронавирусную пандемию’. Ср. пояснение жаргонизма *хайпожор*:

Кто такой *хайпожор*? В принципе, это становится понятно, если вам известно значение слова *хайп*. Добавьте сюда еще смысл слова *жор* (от грубого «жрать»), и мозаика соберется. То

есть это человек (хотя их может быть и несколько), который пытается «поймать волну» (получить долю внимания от того хайпа, что поднимается вокруг какого-то события или человека). Другими словами, *хайпожор* старается использовать все текущие тренды в своих целях (чаще всего меркантильных — привлечь к себе внимание, говоря на популярные в данный момент темы). (KtoNaNovenkogo.ru, 08.05.2020).

Для убедительности доказательства о влиянии англоамериканских прототипов укажем заимствование *ковид-хайп* (англ. *covid hype* ‘шумиха, ажиотаж, чрезмерное эмоциональное возбуждение, экзальтированность (обычно вокруг чего-то или кого-то, модного в данный момент)’):

Полагаю, что каждый пытается решить свои задачи под прикрытием *ковид-хайпа*. (Континенталист, 18.05.2020).

«Письменная речь удобнее для неузального словообразования, так как сложные игры, в которые включены целые серии слов, могут трудно восприниматься на слух» [Земская 2015: 249].

Подведем итог: словообразование наименований лиц «можно расценить в целом как нестрогое, диффузное, допускающее наличие множества вариантов производности, формальное словообразование с утратой промежуточных звеньев деривации, экстенсивное варьирование корневого значения в деривационных гнездах, и наконец, образование значительного числа квазисинонимов, дублетных вариантов производных слов с разными формантами» [Химик 2000: 157].

Плюративные формы

В нашем корпусе наименований лиц изредка встречаются имена лиц со значением коллективности, причем характерно, что эти формы оторваны от своих соотносительных форм в единственном числе; по крайней мере они отсутствуют в нашем материале. Такие плюративные формы в медийной коммуникации призваны, очевидно, подчеркнуть групповой, массовый, неединичный характер объединений людей в период жестких ограничений, что значительно усиливает прагматический (протестный) импульс подобных номинаций: *шашлычники*, *сидидомцы*, *погулянцы* и др. Ср. также другие инновации:

ковид-россияне: Число выявленных *КОВИД-россиян* впервые снизилось почти за две

недели мая, пишет ТАСС со ссылкой на статистику оперштаба страны. (Невские новости, 14.05.2020);

корона-дети = *короналы* = *коронята*: *Корона-дети* и ковид-развод: The New York Times выпустил статью о влиянии коронавируса на отношения. (Buro 24/7, 30.03.2020).

Лексемы *короналы* – русифицированное заимствование: англ. *coronial* > *корониал* + *ы* (окончание мн. числа), слово *коронята* – телескопический гибрид: *корон(а)* + (*реб*)*ята*.

Национально-ориентированные номинации

Среди всего корпуса наименований лиц особое внимание привлекают два окказионализма, имеющих шанс стать неологизмами: *коронапофигист* и *ковигист*. *Коронапофигист* – экспрессивно окрашенное верхинное слово в квазисинонимическом ряду со значением ‘тот, кто отрицает серьезность коронавирусной инфекции’. Основной номинации служит коннотативный элемент со значением предельности признака – ‘**предельно беззаботно, демонстративно бесшабашно** относящийся к вирусу (болезни)’. Пофигизм – понятие, ставшее популярным в 1980-е гг. после выхода книги Ю. Полякова «Апофегей», тогда *пофигизм* и *апофегей* употреблялись как синонимы, будучи социально ограниченными: «ирон., неодобр. В речи интеллигенции. Полное равнодушие, безразличие, апатия»⁸. *Апофегей* – контаминированная (телескопическая) форма слов *апогей* и *пофигизм* [Зеленин 2003: 54; об активности телескопического словообразования в новейшем русском языке см.: Калишан 1996; Валгина 2001; Попова и др. 2005; Николина 2009]. Жаргонизм *пофигизм* семантически и прагматически пришелся по вкусу современному узусу⁹, в нем емко-образно сконцентрирована оценочная характеристика

⁸ Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь. М.: Азбуковник, 1999. С. 160–161; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. СПб.: ИЛИ РАН, Фолио-Пресс, 1998. С. 485 (ТСРЯ).

⁹ ТСРЯ; Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Материалы к русскому общественно-политическому словарю XX века. М.: Три квадрата, 2003. С. 39; *Новиков Вл.* Новый словарь модных слов. М.: АСТ, 2008. С. 16; Толковый словарь русской разговорной

социальной апатии, отсутствие у индивида, группы лиц волевого импульса или нежелание проявить его. Оно было объявлено даже одним из символов современного русского отношения к жизни с историко-культурной подоплекой: «традиционный нигилизм, или по-современному пофигизм» [Прохоров, Стернин 2007: 109]; «русское “пофигизм” или “наплевательство” – выразительный знак безразличия и усталости, отмеченный и жаргонизмом “до фени!”» [Колесов 2007: 297].

У слова *коронапофигист* на русской языковой почве появился еще один синоним – лексема *ковигист*, представляющая собой телескопическую аббревиатуру: *кови(д)* + *пофигист*:

Помимо упомянутых вами *ковидиотов* и *ковид-диссидентов* для отрицателей вируса есть еще слова «*ковигисты*» и «*коронапофигисты*». (Радио Свобода, 04.04.2020);

Есть у нас и *ковидоскептики*, они уверены, что всё не так страшно. Их еще называют *ковигистами*, а в некоторых случаях и *ковидиотами*. (АиФ, 08.05.2020).

Выводы:

1. Среди наименований лиц ковид-лексикона обнаруживается повышенная номинативность, быстрое создание производных по модели, стремление отразить семантические нюансы в производных обнаружили следующие закономерности: а) наличие довольно обширных квазисинонимических и квазиантонимических рядов (с преобладанием первых), б) сосуществование семантических дублетов, в) развитие полисемии в заимствованиях на почве русского языка, г) игровые формы энантиосемии.

2. Среди словообразовательных черт, присутствующих в структуре наименований лиц, отметим: а) высокий уровень словообразовательной дублетности, б) активизацию уже существующих моделей и наполнение их новым лексическим материалом, в) трансформацию аналит-существительных в сложные имена существительные в письменной коммуникации в социальных медиа как влияние модели сложных имен существительных с соединительной

речи. Вып. 3: П–Р / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: ЯСК, 2019. С. 343–344.

гласной, г) богатую словообразовательную игру, инспирированную в недрах «живой письменной речи».

3. К морфологическим особенностям этой группы лексики отнесем использование разговорных номинаций (существительных во множественном числе при отсутствии в нашем корпусе соотносительных существительных в единственном числе) для оценочной характеристики людей, проявляющих, демонстрирующих то или иное отношение к соблюдению карантина.

4. Национально-ориентированные лексемы фокусируют в семантике и прагматике (*ковидист*, *коронапофигист*) некоторые черты национальной психологии русских, ментально-психологические и поведенческие особенности (чрезмерность; предельное, абсолютное пренебрежение чем-л., демонстративно полное безразличие).

Время — главный арбитр в неологических процессах, оно выносит вердикт инновациям: какие из них останутся в языке (ясно, что из группы наименований лиц в период коронавирусной пандемии права лексикографического «гражданства» получат единицы), а какие бесследно растворятся, уйдут в небытие, в дальнейшем вызывая или улыбку воспоминания, или удивление бурной социолингвистической реакцией людей на это экстремальное событие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
2. *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Сложные слова. М.: Наука, 1974. 151 с.
3. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 302 с.
4. *Герд А. С.* Неспециальная лексика специальных текстов и словари // *Очерки научно-технической лексикографии: сб. статей.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 146–150.
5. *Голев Н. Д.* Антиномии русской орфографии. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. 158 с.
6. *Голев Н. Д.* Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // *Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т. И. Стексовой.* Новосибирск, 1999. С. 97–107.
7. *Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова.* М.: Наука, 1970. 767 с. (Грамматика-70).
8. *Русская грамматика: в 2 т.* М.: Наука, 1980–1982. 792 + 717 с. (Грамматика-80).
9. *Занадворова А. В., Юань Цуй.* Типы разговорного словообразования в современной прессе (на материале имен существительных) // *Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / отв. ред. М. Л. Каленчук, Е. А. Земская.* М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. С. 220–238.
10. *Зеленин А. В.* «Смотрит в книгу...» // *Русская речь.* 2003. № 2. С. 49–54.
11. *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
12. *Земская Е. А.* Веселое словообразование // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма.* М.: Индрик, 2007. С. 642–650.
13. *Земская Е. А.* Язык как деятельность. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2015. 896 с.
14. *Калишан Е.* Словообразовательная контаминация в новой русской лексике // *Studia Rossica Posnaniensia (Poznań).* 1996. № 27. С. 165–169.
15. *Карцевский С. И.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // *Карцевский С. И.* Из лингвистического наследия. Т. II. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 239–245.
16. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 619 с.
17. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971. 267 с.
18. *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009. 336 с.
19. *Осипов Б. И.* История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 251 с.
20. *Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунова Д. В.* Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта-Наука, 2005. 165 с.
21. *Попова Т. В.* Новые явления в русском словообразовании конца XX — начала XXI в. // *Opera Slavica (Slavistické rozhledy).* Brno: Ústav slavistiky Filosofické fakulty Masarykovy univerzity, 2007. Т. XVII. Č. 4. S. 1–5.
22. *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М.: Наука, Флинта, 2007. 328 с.
23. *Романов А. Ю.* Современный русский молодежный сленг. (Slavistische Beiträge. Bd. 435). München: O. Sagner, 2004. 206 с.

24. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 272 с.

25. Шаталова Ю. Н. Новообразования-субстантивы в живой разговорной речи: узуальные способы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012, № 5(16). С. 204–210.

26. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

27. Altman C., Goldstein T., Armon-Lotem Sh. Vocabulary, metalinguistic awareness and language dominance among bilingual preschool children // Bilingual Language Development: The Role of Dominance. Hamann C., Rinke E., Genevskan-Hanke D., Snowling G. (Eds.). Lausanne: Frontiers Media SA, 2019. P. 41–56.

28. Ayoun D. Conclusion and direction for future research // The Acquisition of the Present. Ed. D. Ayoun. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 335–340.

29. Carlisle J. F., Fleming, J. Lexical processing of morphologically complex words in the elementary years // Scientific Studies of Reading. 2003. № 7(3). P. 239–253.

30. Nagy W., Berninger V. W., Abbott R. D. Contributions of morphology beyond phonology to literacy outcomes of upper elementary and middle-school // Journal of Educational Psychology. 2006. № 98(1). P. 134–147.

31. Xu Bian, Jin'e He. The Impact of Morphological Awareness on Vocabulary Knowledge of Advanced Chinese EFL Learners // International Dialogues on Education: Past and Present. 2017. Vol. 4, No. 3. P. 31–40. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ide-journal.org/wp-content/uploads/2017/12/IDE-2017-3-full.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. Selected Works. Vol. 1: Lexical semantics (synonymous language means). Moscow: Languages of Russian Culture; Publishing company «Oriental Literature» RAS, 1995. 472 p. (In Russ.).

2. Bookchina B. Z., Kalakutskaya L. P. Compound words. Moscow: Science, 1974. 151 p. (In Russ.).

3. Valgina N. S. Active processes in modern Russian language. Moscow: Logos, 2001. 302 p. (In Russ.).

4. Gerd A. S. Non-special vocabulary of special texts and dictionaries. *Ocherki nauchno-tekhnicheskoi leksikografii: sb. statei = Essays on scientific*

and technical lexicography. Saint-Petersburg: Publishing House St. Petersburg un-that, 2002. P. 146–150. (In Russ.).

5. Golev N. D. Antinomies of Russian spelling. Barnaul: ATU Publishing House, 1997. 158 p. (In Russ.).

6. Golev N. D. The cognitive aspect of Russian spelling: spelling-centrism as a principle of ordinary metalanguage consciousness. *Otrazhenie russkoi yazykovoï kartiny mira v leksike i grammatike: mezhvuz. sb. nauch. tr. = Reflection of the Russian language picture of the world in vocabulary and grammar*. Ed. T. I. Steksova. Novosibirsk, 1999. P. 97–107. (In Russ.).

7. Grammar of the modern Russian literary language. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Science, 1970. 767 p. (In Russ.).

8. Russian grammar: in 2 vol. Moscow: Science, 1980–1982. P. 792–717. (In Russ.).

9. Znadvorova A. V., Yuan Cui. Types of colloquial word formation in the modern press (based on nouns). *Zhizn' yazyka: Pamyati Mikhaila Viktoroviča Panova = Life of language: In memory of Mikhail Viktorovich Panov*. Eds. M. L. Kalencuk, E. A. Zemskaya. Moscow: Languages of Slavic cultures: Sign, 2007. P. 220–238. (In Russ.).

10. Zelenin A. V. “Looks at the book...”. *Russkaya rech' = Russian speech*. 2003. No. 2. P. 49–54. (In Russ.).

11. Zemskaya E. A. Word-formation as an activity. Moscow: Science, 1992. 220 p. (In Russ.).

12. Zemskaya E. A. Cheerful word formation. *Logicheskii analiz yazyka. Yazykovye mekhanizmy komizma = Logical analysis of language. Language mechanisms of the comic*. Moscow: Indrick, 2007. P. 642–650. (In Russ.).

13. Zemskaya E. A. Language as activity. 2 ed. Moscow: Flint, 2015. 896 p. (In Russ.).

14. Kaliszcan J. Word-building contamination in the new Russian vocabulary // *Studia Rossica Posnaniensia*. Poznań, 1996. No. 27. P. 165–169. (In Russ.).

15. Kartsevsky S. I. On the asymmetric dualism of the linguistic sign // *Kartsevsky S. I. From the linguistic heritage*. Vol. II. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2004. P. 239–245. (In Russ.).

16. Kolesov V. V. Russian mentality in language and text. Saint-Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2007. 619 p. (In Russ.).

17. Kostomarov V. G. Russian language in the newspaper strip. M.: Moscow State University, 1971. 267 p. (In Russ.).

18. Nikolina N. A. Active processes in the language of modern Russian fiction. Moscow: ITDK «Gnosis», 2009. 336 p. (In Russ.).

19. Osipov B. I. History of Russian spelling and punctuation. Novosibirsk: Publishing House of NSU, 1992. 251 p. (In Russ.).

20. *Popova T. V., Ratsiburskaya L. V., Gugunava D. V.* Neology and neography of the modern Russian language. Moscow: Flinta: Science, 2005. 165 p. (In Russ.).
21. *Popova T. V.* New Phenomena in Russian Word Formation of the Late 20th – Early 21st Centuries // *Opera Slavica (Slavistické rozhledy)*. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 2007. T. XVII. Č. 4. P. 1–5. (In Russ.).
22. *Prokhorov Y. E., Sternin I. A.* Russians: communicative behavior. Moscow: Science: Flnt, 2007. 328 p. (In Russ.).
23. *Romanov A. Yu.* Modern Russian youth slang. (Slavistische Beiträge. Bd. 435). München: O. Sagner, 2004. 206 p. (In Russ.).
24. *Khimik V. V.* Poetics of the Low, or Common Speech as a Cultural Phenomenon. Saint-Petersburg: Publishing House St. Petersburg un-that, 2000. 272 p. (In Russ.).
25. *Shatalova Yu. N.* Substantive neoplasms in live colloquial speech: common methods. *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Literacy, 2012. No. 5(16). P. 204–210. (In Russ.).
26. *Shmelev D. N.* Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the material of the Russian language). Moscow: Science, 1973. 280 p. (In Russ.).
27. *Altman C., Goldstein T., Armon-Lotem Sh.* Vocabulary, metalinguistic awareness and language dominance among bilingual preschool children // *Bilingual Language Development: The Role of Dominance*. Hamann C., Rinke E., Genevskanhanke D., Snowling G. (Eds.). Lausanne: Frontiers Media SA, 2019. P. 41–56. (In Engl.).
28. *Ayoun D.* Conclusion and direction for future research // *The Acquisition of the Present*. Ed. D. Ayoun. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015. P. 335–340. (In Engl.).
29. *Carlisle J. F., Fleming, J.* Lexical processing of morphologically complex words in the elementary years // *Scientific Studies of Reading*. 2003. No. 7(3). P. 239–253. (In Engl.).
30. *Nagy W., Berninger V. W., Abbott R. D.* Contributions of morphology beyond phonology to literacy outcomes of upper elementary and middle-school // *Journal of Educational Psychology*. 2006. No. 98(1). P. 134–147. (In Engl.).
31. *Xu Bian, Jin'e He.* The Impact of Morphological Awareness on Vocabulary Knowledge of Advanced Chinese EFL Learners // *International Dialogues on Education: Past and Present*. 2017. Vol. 4, No. 3. P. 31–40 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ide-journal.org/wp-content/uploads/2017/12/IDE-2017-3-full.pdf> (accessed: 10.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, лектор, факультет информационных наук и технологий, Университет Тампере

Тансия Николаевна Буцева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, НИИ прикладной русистики, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), lecturer, Faculty of Information Sciences and Technology, Tampereen yliopisto

Taisiya N. Butseva, Cand. of Sci. (Philol.), Senior Researcher, Institute of Applied Russian Studies, Herzen Russian State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 13.08.2020; одобрена после рецензирования 20.08.2020; принята к публикации 22.08.2020.

The article was submitted 13.08.2020; approved after reviewing 20.08.2020; accepted for publication 22.08.2020.